

призваны в армию. Распро-
щались с командой, собра-
ли нехитрые пожитки, напи-
сали письма домой («Уезжа-
ем на фронт, ждите новый
адрес») и новый 1944 год
встречали уже в воинской
казарме в Вологде. Остатки
зимы и весну изучали вин-
товку, автомат, пулемет,
учились тактике и строевой
подготовке.

— Во второй половине
мая 1944 года нас одели в
новые шинели из зеленого
английского сукна, крас-
ные американские ботин-
ки, затем с год ноги были
красные, как у гуся, —
рассказывает Николай Фе-
дорович, — и увезли вна-
чале под Псков, а оттуда
большей частью пешком
шли под Ленинград. И вот
первые бои. Неуютно чув-
ствует себя необстрелянный
солдат. Взрывы снарядов,
мин, свистят осколки, пули,
с деревьев сучья летят —
не могли сначала понять,
что к чему. Мы не шара-
хались, не прятались, не
пригибались, и от этого
глупого героизма немало
нас погибло. Мы были та-

НИКОЛАЙ Федорович
Шарапов был бес-
сменным редактором газе-
ты «Двинская правда» 17
лет. Все мы, кто работал
с ним, знаем его как пре-
красного журналиста, мно-
го сделавшего для повы-
шения авторитета газеты,
как умного, скромного,
добрейшей души человека.
Таким его знают и многие
наши читатели. Но немно-
гие знали, что Николай
Шарапов был еще и от-
важным, стойким воином.
Он не любил рассказывать
об этой стороне своей жиз-
ни. «Да что рассказывать!
Воевал не я один, кому-то
и потрудней бывало, —
уходил он от расспросов.
— Вот о них и надо пи-
сать». Но приближающийся
юбилей Победы заставляет
как бы заново взглянуть
на те события полувековой
давности.

...Март 1943 года. Группа
черевковских девятиклассни-
ков, прознав, что в Ар-
хангельске готовят радистов
для работы на морских су-
дах, бросила учебу и отпра-
вилась в далекий город.

Но, кроме радистов, мор-

Рядовой пехоты

скому пароходству еще боль-
ше требовались матросы и
кочегары. Вот на курсы по
обучению этим специальнос-
тям их и зачисляют. Учат
недолго — в мае уже на
судах. Николай Шарапов
вместе со своим неразлуч-
ным другом Митей Трофимо-
вым все лето ходили на па-
роходе «Вятка» то в Мезень,
то в Иоканьгу, в Нарьян-
Мар дважды. Работали на-
равне со взрослыми, вахту
стояли по графику дважды
в сутки.

Конечно, было трудно. И
в штормы попадали, и мор-
ская болезнь мучила, но не
роптали ребята, хоть и бы-
ло им тогда всего лишь по
17.

Закончилась навигация (в
ноябре был последний рейс),
и в декабре друзья были

кими же, как теперь моло-
дые, неопытные солдаты в
Чечне.

Дивизию с ходу бросили
в бой на Выборгском на-
правлении. Немцы и фин-
ны отчаянно сопротивля-
лись. Особенно досаждали
финны. Их снайперы охо-
тились за офицерами, пу-
леметными расчетами. Ко-
мандиры взводов в нашей
роте были убиты в первых
же боях. Я был пулемет-
чиком, опять же вместе с
Митей Трофимовым, и вое-
вал всего неделю — рани-
ло в ногу, вечером 16
июня это случилось. По-
пал, конечно, в госпиталь.
Госпиталь располагался в
Михайловском замке в
Ленинграде. Построил и
жил в нем царь Павел I.

(Окончание на 2-й стр.)

выходцев из Восточной Пруссии.

...За первую неделю наступления 358-я СД потеряла больше половины личного состава, и ее вывели из боя. Роту ПТР, в которой был Шарапов, тоже крепко потрепали. Пэтэрэровцы ходили в ночную разведку с боем, помогали соседним подразделениям, по ним первым были пулеметчики. Разрывной пулей тяжело ранило в плечо наводчика ружья сержанта Шишкина. Шарапов, проскочивший вперед него в новую траншею, вернулся обратно, оттащил товарища в безопасное место, проводил его, а сам опять вперед — вместе с другими бойцами.

Впереди была небольшая деревушка Немцы так пристреляли местность, что не-

мцы бросили на нас свою морскую пехоту. Мы оказались почти в окружении. Мелсанбат выходил лесными дорогами. Вышли. Командира дивизии раненого вывезли на танке, вышел и штаб, в из нашей роты ПТР я встретил только командира роты, старшину и одного сержанта, остальные полегли.

В мелсанбате Николай Шарапов недолго задержался. Полегал после контузии, и вернулся в свой батальон. Сماعيلитого, расторопного и исполнительного бойца в штабе батальона давно уже заприметили, и комбат приказал — будешь связным.

— Так вот и бегал до конца войны то в роты, то

ло, и Шарапов вдруг почувствовал, что все тело чешется. На привале разделся, снял свитер, подаренный зимой комвзвода, а он аж кишит вшами. В боях не замечал, не до того было. Бросил тот свитер, затоптал в канаву.

Закончились бои, отпраздновали победу и стали собираться домой, в Россию. Погрузились в эшелоны, поехали. Проходят сутки, двое, неделя, а поезд все не останавливается. Так доехали до Маньчжурии. Здесь солдаты узнали, что предстоит война с Японией. Тяжелым, изнурительным был поход через горный хребет Большого Хингана и безводные степи Монголии. Кроме оружия, все почти с себя побросали. Но прошли, прорвали два

Дальнем Востоке и очень легкой. Хотелось домой, в родные края, но лишь в конце 1950-го вернулся Шарапов в родительский дом. Не стыдно ему было переступить порог, поклониться отцу с матерью. Мать счастливая была, что дождалась. «Полноты Коленька на войноросты — заметила она при встрече. А он и правда, окреп и вырос на целых 13 сантиметров! Уходил из дома юношей-девятиклассником, а вернулся бывалым воином. Две медали «За отвагу» и медаль «За взятие Кенигсберга» — за бои в Восточной Пруссии, орден Славы — за бои с японцами.

Мирная жизнь предьявляла свои требования. Шарапов поступает в заочную школу в Архангельске, успешно ее заканчивает в 1954 г. Работает в Черевковском районе. Затем направляет его на учебу в Ленинградскую Высшую партшколу, где он и приобретает профессию журналиста. Но это уже следующий период, где Н. Ф. Шарапов не уронил чести воина-русского солдата — одного из той героической когорты, что сломала хребет германскому фашизму, защитив родную землю, кто отстраивал ее после войны.

Р. ВДЫРЯКОВ.

На снимках: Н. Ф. Шарапов в госпитале, 1944 г.; с женой Валентиной Александровной, 1995 г. (снимок на 1-й стр.).

(Начало на 1-й стр.)

Николай Шарапов — последний и единственный сын (старшие умерли) — часто писал письма домой. Знал, что мать крепко переживает за него, ждет известий и отец-старик. Все его, письма до единого сохраняла мать, хранит и он их сейчас.

В январе 1944-го он сообщает родителям: «Понемногу привыкаем к службе, которую окончим в 1947 году» (1). Впереди еще фронт, но они, молодые парни, считают, что войну закончат и домой придут. В том же письме он пишет, что «между прочим, меня приняли в комсомол. Не хочу отставать от передовых ребят».

После госпиталя направили его в 1189-й Выборгский стрелковый полк 318-й стрелковой дивизии, полное наименование которой после войны будет Ленинградско-Хинганская Краснознаменная ордена Суворова II степени. Построили прибывшее пополнение, и командир дает команду: «Комсомольцы, поднят руку!» Так комсомолец Шарапов стал бойцом роты противотанковых ружей. Дивизию готовили к наступлению, к прорыву обороны.

К началу зимы 358-я СД была передана 3-му Белорусскому фронту и участвовала в зимнем наступлении в Восточной Пруссии. О тех боях написаны книги военачальниками разных уровней, а у Николая Федоровича свой, солдатский взгляд на все происходившее тогда.

— У финнов крепкая была оборона, но то, с чем мы встретились на подступах к Кенигсбергу, ни в какое сравнение с ней не идет, вспоминает ветеран. — Каждый городишко был превращен в крепость, оборона была глубоко эшелонированной. Одна за другой траншеи, доты, дзоты. Танки в такой обстановке мало помогали, и нам приходилось прямотаки вгрызаться в оборону немцев и штурмовать под непрерывным минометным, пулеметным и артголем. Первый город, который мы взяли, — Пилькавален. В нем каждый подвал был превращен в дот.

Когда пошли дальше, встретили на дорогах множество длинных, до 4 м, брнччк. Все пронумерованы. Мирное население принаждало уходить, и на этих телегах они увозили, что могли. Заходили мы и в их дома. Господские, конечно, богаты. Там и мебель, и ковры, и хрусталь, фарфор. В шкафах почти в каждом доме военные мундиры, много эсэсовских. В гитлеровской армии много было офицеров.

возможно было ползти. А местность болотистая, сыро. Так и пролежал всю ночь, пока артиллерия не помогла. Николай провалился сквозь лед и лежал в воде, крепко застыл от него. Вначале не обратил особого внимания (молод был!), а потом ноги стали пухнуть. Выручила и в этот раз дружба фронтовая. Один из сержантов нашел где-то крепкие немецкие бурки. В них ноги не промокали, были в тепле, и вскоре отек прошел.

Однажды в замлок отдышал, находясь в землянке, а Шарапову выпал черед быть в боевом охранении. Стоял в окопе, рядом на бруствере ружье противотанковое, где-то редко постреливали. Вдруг Николай услышал, что летит снаряд. Солдат он уже был опытный и понял, что перелета не будет. Только упал на дно окопа и — взрыв. Засыпало, одни ноги наружу торчат. За ноги солдаты его и тащили. Не ранило, но контузило крепко. Пришлось идти в мелсанбат.

— Это, может быть, меня и спасло, — рассказывает Николай Федорович. — Дивизию после пополнения вновь бросили в бой, и мы шли юго-западнее Кенигсберга, отпезая от него немцев. Прорвались мы далеко к мерю, и тут

в штаб полка, — смеется Николай Федорович.

Легко сказать — бегал. Телефонная связь была, но она часто рвалась, радиосвязь слаба в пехоте, и вот двое связных комбата с приказами или донесениями, устными и письменными, бежали часто в самый разгар боя.

— Присмотрись вначале, куда бежать. Замечаешь одну ямку, другую, там окопчик — и побежал, — говорит Шарапов. — Бросок сделал, упал, перестали в твою сторону стрелять — и снова бросок.

В самом конце войны бился мы несколько дней за прусское село. Высота наша как на ладони, немцы по ней прицельный минометный обстрел ведут, три самоходки наши подбили. Я нес донесение в штаб полка и под одной укрылся. Стихло, и я сразу бросок вперед. Только упал в окоп, а сзади страшный грохот раздался. В той самой самоходке беззапас взорвался.

Здесь, в Восточной Пруссии, Николай Шарапов стал кандидатом в члены Компартии. Одну из рекомендаций дал ему секретарь парторганизации батальона.

— Нам он стариком казался — с бородой, в очках, он чем-то напоминал колхозного счетовода. Часто беседовал с бойцами, всегда был вместе с нами на передовой. Последний раз его видел во время одного боя. Обстановка сложилась для нас трудная, надо было людей в атаку поднять. Он вышел на брустаер и кричит: «Коммунисты, за мной!» И поднялся ведь бойцы. Коммунисты в войну свое слово сказали, — убежденно говорит Шарапов. — Это я не понаслышке знаю, сам видел.

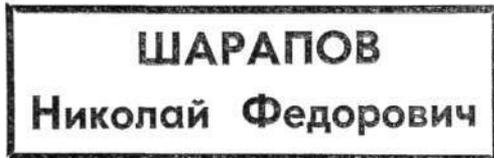
Чего только ни испытали солдаты на войне! Как-то связной, напарник Шарапова, говорит: «Коля, глянь-ка, что-то у меня спину жжет». Снял шинель — на обеих лопатках кожа содрана, пуля по касательной прошла.

В середине апреля, когда шли последние бои, полк пешими колоннами шел к Рабенбургу. Тепло уже бы-

РЯДОВОЙ ПЕХОТЫ

укрепления японцев и, разбив их маньчжурскую группировку, вышли к порту Дальний.

Далеко уехала военная тропа северного паренька. Долгой еще была служба на

Случилось непоправимое. После тяжелой и продолжительной болезни 29 апреля 1995 года скончался бывший фронтовик и журналист газеты «Двинская правда», прекрасной души человек Николай Федорович Шарапов. Он родился в 1926 году в деревне Лявова Черевковско-го района Архангельской области в семье крестьянина. В тяжелое лихолетье, в марте 1943 г., он ушел по призыву комсомола в Северное государственное морское пароходство и до призыва в армию в декабре 1943 года работал кочегаром на пароходе «Вятка». Н. Ф. Шарапов сражался под Выборгом и в Восточной Пруссии, пешком прошел через горный хребет Большого Хингана и безводные степи Монголии и закончил войну в порту Дальний. В армии служил до конца 1950 года.

В 1961 году закончил факультет журналистики Ленинградской Высшей партийной школы и затем год работал заместителем редактора газеты «Вилегодский льновод». С мая 1962 года и до выхода на пенсию в декабре 1986 года жизнь и работа Николая Федоровича неразрывно связаны с газетой («Двинская правда», редактором которой он был 17 лет.

Николай Федорович прекрасно знал газетное дело, многое сделал для повышения авторитета «Двинской правды» среди населения нашего города и района. С именем Николая Федоровича Шарапова связана многолетняя работа по увековечиванию памяти фронтовиков — наших земляков, показав их вклад в дело разгрома фашистских захватчиков. При Н. Ф. Шарапове «Двинская правда» многократно была победителем во Всероссийских конкурсах районных и городских газет и награждалась специальными дипломами.

Статьи, корреспонденции и очерки члена Союза журналистов Н. Ф. Шарапова отличались образностью языка, глубиной знания предмета, человечностью. В повседневной жизни это был исключительно скромный, доброжелательный, трудолюбивый и бескорыстный человек, мужественный и честный, твердый в своих убеждениях.

Рядные дела Н. Ф. Шарапова отмечены орденом Славы, двумя медалями «За отвагу» и орденом «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и «За победу над Японией». В мирное время он награжден медалью «За трудовое отличие», а за большой вклад в дело развития печати был удостоен почетного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Светлая память о Николае Федоровиче Шарапове — воине и труженике — сохраняется в наших сердцах.

В. В. ТИТОВ, Р. И. ВДЫРЯКОВ, В. А. АНОХИНА, Т. В. МАЛИНОВСКАЯ, Г. Ф. ДЕРНОВА, А. Л. ЯИШНИЦЫН, Э. А. ЗАВГОРДНЯЯ, В. Б. НОСКОВА, Г. И. СИЗКОВА, М. Н. ПОПОВА, Н. Г. МАЛЬЦЕВА, Г. Г. ИВАШОВА, В. А. ПРИЛУЦКАЯ, В. П. ГАГАРСЦЕВ, А. Е. ЯРЫГИН, В. П. ЗВЕРЕВ, А. И. ЛАХТИОНОВ, Н. В. ГЛАДЫШЕВ, В. Н. КРАСАЦЕВ, Г. Я. ГЯДРИХИНСКАЯ, В. Н. СТУЛЬНИКОВА, В. А. ВЫДРИНА, В. А. КИСЛЯКОВ, Н. В. ШЕПТЯКОВ, В. Н. ГРОМОВ, В. В. ЕГОРОВ, З. В. НИЗОВЦЕВА, Н. А. БУЗЫРЕВА, В. В. БЫКОВСКИЙ, А. М. ПИЛЬЧ, М. А. МОСКАЛЕВ, В. В. ИГОТОВИЦЫН, Н. В. ПРУЦКОВА, А. И. СИВАЧЕВ, А. С. ЗАВДАВСКИЙ, Ю. И. ЧИРКОВ, А. С. БИРИЧЕВ, Т. И. КАДЦЫНА, А. Ф. ЗАХАРОВ, С. А. ГОРШКОВА.